

## ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**А.А. Чувакин**

профессор кафедры теории коммуникации, риторики и русского языка  
Алтайского государственного университета, доктор филологических наук  
г. Барнаул

### Язык как объект современной филологии\*

На материале истории и современного состояния филологических наук язык конституируется как один из объектов филологии и отграничивается от языка как предмета лингвистики. Формулируется общефилологическая программа исследования языка как объекта филологии.

**A.A. Chuvakin**

### Language as Modern Philology Object

Language is constituted as one of the objects of modern philology and differed from language as subject of linguistics based on the materials of history and modern state of philological sciences. The general philological program of language study as an object of philology is formulated.

Конец XX – начало XXI вв. – это время, когда вновь актуализировалась проблема статуса филологии, ее структуры и места в гуманитарном знании. И этому есть целый ряд объяснений.

Рубеж веков «совпал» с трансформацией парадигмальных оснований гуманитарных наук: имеется в виду прежде всего особо значимое для филологии выдвижение в центр гуманитарного знания философии знаковых систем и коммуникаций, семиотики, герменевтики, что связано с антропоцентрическим поворотом в науке и породило постантропоцентризм, с его интеграцией когнитивных и коммуникативных подходов к исследованию языка, как базовую характеристику современной лингвистики. Повысилась значимость естественного языка как основы познания и объяснения в гуманитарных и естественных науках; выросла роль естественного языка в социальных отношениях и деятельности, особенно в России в связи с социально-культурными процессами 1985-2000-х гг. Н. Хомскому принадлежит справедливое суждение: «...язык *решающим* образом (выделено мною. – А.Ч.) участвует в мысли, действии и социальных отношениях» (1, с.132).

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть язык как объект современной филологии; естественно, что такой постановкой актуализируется проблема соотношения языка как объекта филологии и языка как предмета лингвистики.

История филологии учит, что на разных этапах развития последней (2, с.3-17) доминируют различные отношения между ее составляющими (прежде всего лингвистикой и литературоведением), разные ее объекты (один объект).

Мы исходим из того, что современная филология представляет собой совокупность / содружество таких наук, как лингвистика, литературоведение и фольклористика, являющихся ее составляющими, а также ряда научных дисциплин, отмечаемых традиционно и современных, и отличается более сложным строением и устроенностью, чем даже в недавнем прошлом. Дело в том, что единство филологических наук и дисциплин обеспечивается объектами филологии, в число которых входят язык, *Homo Loquens* и текст; дисциплинами, общезначимыми с точки зрения интеграции составляющих филологии: гуманитарной семиотикой, филологической герменевтикой и теорией текста, которые и представляют собой своего рода «общефилологическую» базу всей совокупности в содержательном, но прежде всего в методологическом плане; существенна в рассматриваемом отношении и область междисциплинарного филологического

\* Статья печатается в сокращенном варианте.

знания, в которую входят прежде всего риторика, стилистика, поэтика. В более ранних публикациях нами было показано, что описанная здесь ситуация в современной филологии сложилась как результат развития отдельных ее наук и дисциплин, роста взаимодействий между ними, качественных изменений в речевой коммуникации и науке рубежа XX-XXI вв. Более того, единство *человек и его язык* становится центральной смыслообразующей категорией гуманитарного знания вообще и филологического, в частности (3; 4).

Проблема языка как объекта филологии и предмета лингвистики восходит к лингвистическим традициям, у истоков которых стоят В. фон Гумбольдт и Ф. де Соссюр.

Приведем некоторые суждения В. фон Гумбольдта об отношениях филологии и языкознания: филология и языкознание (=общее языкознание) – это «два разных направления в изучении языка (выделено мною. – А.Ч.)» (5, с.169). Если филология «исходит главным образом из сохранившихся памятников, стремится собрать и зафиксировать их для получения надежных сведений об античности» (5, с.169), то (общее) языкознание «стремится постигнуть язык вообще» (5, с.313). При этом Гумбольдт констатирует наметившиеся изменения в понимании соотношения филологии и языкознания: понятие филологии «в самое последнее время, особенно во Франции и Англии, начали распространять на всякие занятия какими то ни было языками (выделено мною. – А.Ч.)» (5, с.169).

Ф. де Соссюр заявлял, что филология резко отличается от лингвистики (6, с.44): «Язык не является единственным объектом филологии: она прежде всего ставит себе задачу устанавливать, толковать и комментировать тексты. Эта основная задача приводит ее также к занятиям историей литературы, быта, социальных институтов и т.п. ...ее интересы лежат почти исключительно в области греческих и римских древностей» (6, с.39-40). Язык востребован филологией для того, «чтобы сравнивать тексты различных эпох, определять язык, свойственный данному автору, расшифровывать и разъяснять надписи на архаических или плохо известных языках» (6, с. 39), в лингвистике же «язык представляет собою целостность сам по себе, являясь, таким образом, отправным началом (principe) классификации» (6, с.48).

Итак, основоположниками науки о языке, при всем различии их исходных методологических принципов, вполне определенно формулируется тезис о существенных различиях филологии и лингвистики, что определяет разные направления изучения языка в той и другой. Подобные позиции высказываются и в первой половине – середине XX в. Наиболее категорично мысль о разграничении филологии и лингвистики была сформулирована Г. Шухардтом, признавшим в своем «разделении» наук, что языкознание, литературоведение и история культуры суть отдельные науки. «Тождество исследовательского метода гораздо важнее, чем объединение разнородных объектов», – заявил Г. Шухардт (7, с.52). От термина «филология» нужно отказаться: в других областях знания нет аналогии тому, «что следует понимать под термином «филология»» (7, с.51-52, 260). Вместе с тем исследовательская практика рассматриваемого времени оказалась явно богаче и сложнее, чем науковедческие суждения специалистов. В этом отношении выделяются филологические по проблематике, методологии и методике работы с материалом труды Л.В. Щербы, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, В.М. Волошинова и др., сосредоточивших внимание на художественном произведении и его языке, на языке писателя, что, по-видимому, во многом способствовало сохранению филологии как единой, но расчлененной отрасли знания и сферы практической деятельности. Думается, что, например, и научный метод В.В. Виноградова-грамматиста, квалифицированный Н.Ю. Шведовой как «метод объективного синтезирующего исследования внешних и внутренних сторон грамматической единицы и ее внутриязыковых связей» (8, с.6), сложился с учетом его опыта исследования художественного произведения (стиля писателя) как целого.

Последняя треть XX в. ознаменовалась актуализацией проблемы статуса филологии, что вновь выдвинуло вопрос о языке как объекте филологии и предмете лингвистики. Важным стимулом для обращения к проблеме статуса филологии явилась публикация в 1981 г. написанной в середине 1940-х гг. работы Г.О. Винокура «Введение в изучение филологических наук» (9), где филология рассматривается под разными углами зрения, что позволило автору обнаружить сложные, неоднолинейные отношения ее с другими науками, в частности с языкознанием. Вместе с тем, как справедливо отмечает С.И. Гиндин, отечественные исследователи языка, «литературного творчества» и культуры до конца 1970-х гг. не испытывали нужды даже в понятии филологии (10, с.123, 128). Что касается зарубежных исследователей того же времени, то ими,

по данным, например, лексикографических изданий, во многих случаях филология рассматривается как наука о языке – о языке и письменности (11, с.287), о языке, преимущественно в его истории и развитии (12, р.1057) и т.п.; о том же свидетельствуют и материалы, приведенные Р. Гельгардтом и В. Расторгуевым (2).

В этот период фактически каждое десятилетие вносит свое видение проблемы.

1970-е гг. возрождают идею целостности филологии (С.С. Аверинцев, Р.А. Будагов, Ю.В. Рождественский и др.) на базе признания ее объектом текста / образцового художественного текста, что означает признание лингвистики, литературоведения, иногда и фольклористики (13, с.23), и ряда других научных дисциплин составляющими филологии. Именно в это десятилетие С.С. Аверинцевым, филологом-классиком по роду занятий, было сформулировано ставшее востребованным вплоть до настоящего времени понимание филологии: «Филология... – содружество гуманитарных дисциплин – языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др., изучающих духовную культуру человечества через языковой и стилистический анализ текстов» (14, с.544).

В 1980-е гг. обращается внимание на комплексность филологии как науки / отрасли наук (Р.Р.Гельгардт, А.И.Горшков, Д.С.Лихачев и др.). Так, Ю.А. Бельчиков пишет: «...современная филология – это комплексная наука, объединяющая научные дисциплины, изучающие языки, литературы и народно-поэтическое творчество в их истории и современном состоянии, а также наиболее общие закономерности языка, литературы, фольклора как социально-исторически детерминированных феноменов человеческой культуры» (15, с.36).

1990-е – начало 2000-х гг. – время противоречащих друг другу оценок ситуации в филологии: с одной стороны, филология признается «механическим конгломератом» языкознания и литературоведения, «брачным союзом» литературоведения и лингвистики (16, с.122-123), с другой – подчеркивается и развивающаяся целостность филологии, и рост специфики наук и научных дисциплин, ее составляющих (17), расширяется круг объектов филологии, в число которых в работах, например, И.В. Арнольд (18, с.380-382) и А.А. Чувакина (4, с.301-302) включается соответственно слово и язык.

Итак, восходящая к Я.Гримму идея о том, что язык исследуется и филологически, и лингвистически, на современном этапе развития филологических наук, с учетом сказанного выше может быть переформулирована следующим образом: язык является одним из объектов филологии и предметом лингвистики.

Приведем – с неизбежностью кратко – аргументацию данного тезиса, выдвинув на первый план проблему языка как объекта филологии.

Если языкознание, как и литературоведение и фольклористика, есть одна из наук, составляющих филологию, то можно предположить, что язык как предмет языкознания и *есть* язык как объект филологии. Это решение напрашивается в соответствии с логикой традиционной версии отношения системы и ее компонентов: признание объекта системой связывается с наличием взаимосвязи, взаимодействий компонентов объекта. Однако есть существенные препятствия для принятия такого решения.

Прежде всего, в современной науке о языке фактически существуют две разные лингвистики, одна из которых восходит к идеям Соссюра, другая – Гумбольдта, позиции которых методологически не близки и реализация идей которых в XX в. дала принципиально различающиеся понимания языка. Каждая из лингвистик имеет свой предмет исследования: язык как систему или язык как деятельность. Недаром, например, Н.А. Слюсарева утверждает, что концепция Соссюра стала тем трамплином, от которого оттолкнулись многочисленные направления лингвистики нашего времени (19); несколько ранее В.И. Постовалова констатирует фундаментальную значимость для языкознания концепции Гумбольдта (20). Если это так, то останется не только неясным, но и вообще без ответа вопрос о том, с каким же пониманием языка как предмета лингвистики отождествляется понимание языка как объекта филологии. С тем и другим – одновременно? Вряд ли; этому препятствует и логика науки (не только филология превратится в «агрегат сведений» (Гегель), но и лингвистика, что противоречит даже так называемому здравому смыслу), и вся исследовательская практика XX в. и особенно нашего времени.

Свои, «нелингвистические», представления о языке свойственны другим филологическим наукам, в первую очередь литературоведению, для которого язык есть составляющая словесного искусства (21, с. 1257), а также филологическим дисциплинам – риторике, стилистике, по-

этике, занимающим в современной филологии фактически междисциплинарное положение. Эти представления находятся за пределами предмета лингвистики, но являются частью филологических.

Наконец, важно заметить, что оцениваемая позиция противоречит всей истории филологии как науки и ее составляющих.

Однако в системоведении имеет место и другое понимание отношений системы и компонента, базирующееся на учении о целостности. Это понимание соответствует современному учению о системе, которое, по оценке В.Н. Садовского, является альтернативой элементаристскому, механистическому взгляду на мир, возникшему вместе с рождением науки Нового времени (22, с.64): досистемный объект, становясь компонентом системы, приобретает качества, свойства, обеспечивающие его интеграцию в составе целостности. Стало быть, досистемный объект и объект – составляющая системы не тождественны.

Так возникают общесистемные условия для разграничения языка как объекта филологии и языка как предмета лингвистики. Эти условия адекватны современной исследовательской практике в области филологических наук. Приведем лишь некоторые иллюстрации: развивающееся «воссоединение» литературы и языка, зафиксированное Р. Бартом еще в середине 1960-х гг. (23, с.463); распространение традиционных литературоведческих категорий и понятий на исследование нехудожественных текстов и сообщений (так, понятие поэтики применено Г.Я. Солгаником (24) к исследованию публицистики) и риторических категорий и понятий – на исследование текстов (сообщений) любого рода и вида и сфер функционирования (25; 26); актуализация семиотических и герменевтических подходов к решению проблем языка / текста (27; 28); рассмотрение Человека Говорящего как одного из объектов лингвистики (29 и др.); конституирование *Homo Loquens* в качестве одного из объектов филологии (30) и др. Эти примеры демонстрируют растущую интеграцию филологических наук, что и влечет приобретение языком свойств, отличных от его качеств как предмета лингвистики. Стало быть, язык как объект филологии и язык как предмет лингвистики не тождественны.

Сущность языка как объекта филологии выводится из его отношения к двум другим объектам – *Homo Loquens* и тексту. Если с точки зрения сопряженного, когнитивно-коммуникативного подхода к осмыслению языка *Homo Loquens* есть человек, посредством языка производящий/потребляющий текст, текст является продуктом/объектом этой деятельности, то язык как объект филологии представляет собой когнитивный по своей природе инструмент, обеспечивающий коммуникативную деятельность человека посредством текста. В этом кроется инструментальная сущность языка как объекта филологии. Эта сущность может быть усмотрена и описана только при условии сопряжения данных семиотики, герменевтики и теории текста. (Однако это описание – задача другой публикации.)

Попутно заметим, что признание данного положения открывает возможность специализированного, *филологического* видения языка, например, в риторике, стилистике, поэтике. Так, для риторики как науки и искусства речекоммуникативного воздействия язык значим как инструмент, осуществляющий деятельность речекоммуникативного воздействия; для риторики как теории и практики эффективной / оптимальной речевой коммуникации – как инструмент соответственно эффективной / оптимальной коммуникации.

Язык как предмет лингвистики, если исходной точкой рассуждений выступает язык как объект филологии, представляет собой отдельную реальность, которая конструируется особыми познавательными средствами во имя всестороннего познания самого языка. Нам не хочется предлагать иное, содержательное, определение языка как предмета лингвистики (да и это не является нашей задачей). Дело в том, что всякое определение языка – на современном этапе развития лингвистики – будет находиться, по нашему глубокому убеждению, в русле идей Гумбольдта или Соссюра или основываться на попытках совмещения их воззрений; в этом смысле любое концептуальное определение не покроет язык как предмет лингвистики, оно лишь сможет охарактеризовать какую-то из его сторон или несколько сторон, взятых в относительном (и противоречивом) единстве. И еще об одном: данная квалификация языка как предмета лингвистики соответствует традиции, заложенной Гумбольдтом (определившим предмет лингвистики как «язык вообще») и Соссюром («язык как целостность сам по себе» – вот предмет лингвистики); в этом отношении фундаментальных различий между рассматриваемыми авторами мы не видим. Важно другое: развитие этой традиции и приводит к пониманию языка в лин-

гвистике на основе сопряжения идей когнитивизма и коммуникативизма (постантропоцентризм). Таким образом, язык как предмет лингвистики – это совокупность всех его фундаментальных концепций. Несколько заостряя ситуацию, констатируем, что «языков» как предметов лингвистики столько, сколько фундаментальных теорий языка.

Из сказанного вытекает, что язык как объект филологии может быть обозначен как язык-1, а язык как предмет лингвистики – язык-2. Исследование языка-1 и языка-2 определяется разными программами – филологической и лингвистической.

В программе исследования языка как объекта филологии выдвигаются прежде всего следующие позиции:

- онтология языка как объекта филологии;
- филологическая теория коммуникации как основа исследования языка в филологии (язык: семиотика – герменевтика – теория текста);
- параметры, уровни, методы исследования языка как объекта филологии;
- принципы проекции общепилологического учения о языке на частные филологические науки (языкознание, литературоведение, фольклористику) и научные дисциплины;
- язык и его место в совокупности объектов филологии (НЛ – Текст) и др.

В заключение привлечем внимание к вопросу о значимости постановки данной проблемы и предлагаемых ее решений.

Разумеется, главное, что достигается обсуждением проблемы языка как объекта филологии, – это повышение статуса филологии как отрасли гуманитарного знания на фоне традиционных, все еще продолжающихся упреков в адрес филологии и ее составляющих в том, что филология не относится к числу фундаментальных наук. Мы полагаем, что углубление самопознания науки – это признак ее зрелости, а получаемые при этом результаты служат признанию ее фундаментальной наукой.

Предложенные решения содержат дополнительные аргументы для сохранения статуса филологии как целостности (совокупности наук и научных дисциплин), а не «конгломерата», «агрегата» etc. сведений, на современном этапе своего развития имеющей сложную структуру и устроенность. Признание языка одним из объектов филологии и предметом языкознания с рассмотрением принципа отношений между ними вскрывает одну из причин споров о статусе филологии и филологических наук, прежде всего языкознания. Вместе с тем мы получаем ответ и на вопрос об одной из причин сложных отношений внутри филологии как отрасли наук, на что обращал внимание Г.О. Винокур (9).

Выдвигаются проблемы соотношения языка как объекта филологии, языка как предмета лингвистики и языка как одного из объектов, с которыми имеют дело другие филологические науки и дисциплины; значимости других гуманитарных наук для исследования языка-1 и языка-2, в частности семиотики, герменевтики, теории текста, и, наоборот, значимости языка для других наук.

В этом контексте актуализируется и вопрос о методах в филологии и филологии как метода.

Важно отметить и существенность рассмотрения языка как объекта филологии для модернизации содержания высшего филологического образования (31).

Наконец, подчеркнем, что на каждом историческом отрезке времени филологические науки, филология в целом получают – и это вполне закономерно – новые осмысления; надеемся, что наши суждения адекватно отражают этап современный.

#### Литература

1. Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – 1995. – № 4.
2. Гельгардт Р.Р., Расторгуев В.Н. Методологический аспект в изучении предметной области научного познания и статус современной филологии // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования: сб. статей. – Калинин, 1981.
3. Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек – коммуникация – текст. Вып. 3. – Барнаул, 1999.
4. Чувакин А.А. Коммуникативно-речевая ситуация в современной России и некоторые тенденции развития филологии // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 9. – Пермь, 2005.
5. Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
6. Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. – М., 1977.

7. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. — М., 2003.
8. Шведова Н.Ю. Грамматические труды академика Виктора Владимировича Виноградова // Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. — М., 1975.
9. Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. Вып. 1 // Проблемы структурной лингвистики. 1978. — М., 1981.
10. Гиндин С.И. От истории к тексту и от науки к искусству: Г.О. Винокур в раздумьях над предметом и статусом филологии // Винокур Г.О. Собр. трудов: Введение в изучение филологических наук. — М., 2000.
11. Rusko-český slovník lingvistické terminologie. — Praha, 1960.
12. Cambridge International Dictionary. — Cambr. Univ. Press, 2001.
13. Рождественский Ю.В. Общая филология. — М., 1996.
14. Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
15. Бельчиков Ю.А. История русского литературного языка и филология // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования: сб. статей. — Калинин, 1981.
16. Рождественский Ю.В. О современном положении русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. — 1995. — № 3.
17. Степанов Ю.С. Филология // Русский язык: энциклопедия. — М., 1997.
18. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. — СПб., 1999.
19. Слюсарева Н.А. О лингвистическом термине language — «языковая деятельность» // Язык: теория, история, типология. — М., 2000.
20. Постовалова В.И. Язык как деятельность: опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. — М., 1982.
21. Шапир М.И. Язык художественной литературы // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2003.
22. Халина Н.В., Клипенштейн Т.В., Газизова Е.С. и др. Герменевтический анализ: Филологические аспекты понимания. — Барнаул, 1998.
23. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994.
24. Солганик Г.Я. О поэтике публицистики // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация: сб. статей. — Пермь, 1986.
25. Бровкина Ю.Ю. Риторика бренда. — М., 2005.
26. Павлова Н.Г., Пацкевич Т.В., Старолетов М.Г. Семиотика и реклама: общенаучные и прикладные аспекты. — Барнаул, 2003.
27. Комиссарова Л.М. Вместо заключения // Основы теории текста. — Барнаул, 2003.
28. Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления // Системные исследования: Методологические проблемы: ежегодник. 1992-1994. — М., 1996.
29. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М., 2003.
30. Кошеч Л.А., Чувакин А.А. Homo Loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. — 2006. — № 1.
31. Чувакин А.А. Курс основ филологии: к проблеме модернизации высшего филологического образования // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. — 2006. — № 2.

**Т.Н. Василенко**

аспирант кафедры теории коммуникации, риторики и русского языка Алтайского государственного университета  
г. Барнаул

#### Гнездо родственных текстов: номинационный уровень исследования

В статье рассматривается проблема уровня исследования гнезда родственных текстов, образующих текстовую совокупность (на материале текста новеллы на французском и трех ее переводов на русский).

**T. Vasilenko**

#### The nest of connected texts: the nominative level of studying

The subject of the article is revealing the level of studying of the nest of connected texts on the matter of the novel text in French and its three translations into Russian.

Проблема исследования гнезда родственных текстов в рамках теории текста, рассматриваемая в нашей статье, разработана Л.М. Майдановой, Л.Н. Мурзиным, А.А. Чувакиным и др. (1). В современной теории текста активно развивается деривационная текстология (текстодерива-